

РАКУРСЫ: СУБЪЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

А.И. Соловьев*

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ¹

Аннотация. В статье раскрываются основания позиционирования массового сознания в процессе формирования государственной политики. В рамках полемики относительно сущности «масс» дается характеристика места и роли массового сознания в процессе принятия государственных решений. Особо раскрываются каналы и механизмы влияния массового сознания на разработку политической повестки. Показывается роль различных слоев элиты в восприятии массовых настроений и трансляции политических запросов населения. Освещаются перспективы и возможности усиления влияния массовых представлений на цели государственной политики в современной России.

Ключевые слова: государственная политика; массовое сознание; политическая элита; принятие государственных решений.

A.I. Solov'ev

Mass consciousness and public policy: Crossing points and problems of interaction

Abstract. The article describes positioning of the mass consciousness in the process of forming public policy. It describes the place and role of the mass conscious-

* **Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: solovyev@spa.msu.ru **Solov'ev Alexander**, Department of Political Analysis, M.V. Lomonosov Moscow State University, e-mail: solovyev@spa.msu.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, номер гранта 007–003–00590

ness in the process of public decision-making. The special emphasis is made on the channels and mechanisms of the mass consciousness' influence on the development of the political agenda. It shows the role of various elite layers in the perception of mass sentiments and it the translation of political needs of the population. It highlights the prospects and possibilities of strengthening the influence of mass representations for the purposes of public policy in modern Russia.

Keywords: government policy; the mass consciousness; the political elite; the government decision-making.

Управленческий функционал массового сознания

Массовое сознание представляет собой агрегированный показатель социально-экономического, политического и культурного развития общества, функционал его весьма разнообразен. И в ретроспективном, и в актуальном плане оценка его состояния и динамики способна стать если не в полной мере надежным, то удобным измерителем ключевых событий, характера взаимодействия власти и общества, вектора государственной политики.

В данном контексте очевидно, что роль массового сознания наиболее показательно проявляется при формировании государственной политики – том базовом политическом процессе, который демонстрирует реальное позиционирование общества в отношениях с властью и способность государства выступать от лица общества. Этот процесс уже не символично, а вполне реально показывает ответ государства на запросы общества с точки зрения распределения ресурсов, создания благоприятной для людей атмосферы, налаживания коммуникаций между гражданами и органами власти.

Понятно, что правительственная политика не изменяется «автоматически» под давлением общества. В любом случае массовое сознание выражает запросы и нужды населения (включая оценку проводимой политики), которые формируют идейно-политический фон разработки государственных стратегий и целей. Конечно, спектр политических последствий учета массовых воззрений крайне широк – от провоцирования популистских решений до разработки стратегий, способных переломить ход общественного развития. Во всех случаях массовое сознание остается показателем качества механизмов политического представительства гражданских интересов и организации публичного дискурса, верным свидетельством политической чуткости властей предержащих к за-

просам общества, аттестующим весь корпус управляющих, их персональную и групповую способность откликаться на запросы граждан.

Формирование государственной политики – сложносоставный процесс, в основу которого заложена потребность в кооперации всех (статусных и нестатусных) игроков, прямо или косвенно вовлеченных в принятие государственных решений. Деловые коммуникации и инфопотоки, связывающие этих игроков, носят и узкогрупповой, и массовый характер.

В данном контексте массовое сознание представляет собой относительно устойчивую совокупность эмоционально-чувственных (оценочных) суждений и представлений (отражающих рациональный характер бытовой рефлексии) различного рода меньшинств, образующих временную конфигурацию воззрений относительного большинства населения. Учитывая однородный социокультурный (цивилизационный) комплекс во взглядах и настроениях населения любого государства, можно говорить о наличии устойчивого ядра массового сознания, выраженного в его базовых ценностных ориентирах¹. Одновременно динамика позиций различных групп и слоев населения по конкретным вопросам своей жизнедеятельности оставляет внешнюю границу массового сознания, условно говоря, открытой, способной к различным внутренним трансформациям.

Способность к динамичным внутренним трансформациям превращает массовое сознание в такой фактор формирования государственной политики, который расширяет ее предметную вариативность и альтернативный характер проектирования. Это же свойство массового сознания делает важнейшим инструментом его формирования массмедиа, оказывающие мощнейшее, хотя и разнонаправленное влияние на позиции групп граждан по конкретным вопросам общественного развития.

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что местоположение массового сознания в процессе формирования государственной политики обладает трояким характером:

а) независимо от особенностей национального менталитета оно так или иначе отражает наиболее важные (в рамках контекста)

¹ В этом смысле понятие «массы» сближается (пересекается) с понятиями «народность» и «народный дух», характеризующими некую «квинтэссенцию социокультурных особенностей» населения [Бобровских, 2016, с. 3, 11].

запросы населения к власти, определяя общие границы функционирования государства в качестве гражданского антрепренера (в противоположность корпоративному характеру применения государственной власти);

б) демонстрирует взаимную способность (степень готовности) правящего режима и общества придерживаться легальных (рациональных) норм и правил взаимодействия в рамках публичного дискурса и механизмов политического представительства;

в) выступает динамичным индикатором уровня легитимности государственной власти (конкретных институтов, отдельных персон).

Актуальное проявление роли массового сознания при формировании государственных стратегий и целей обусловлено типом политической системы и правящего режима, темпоральными параметрами политического процесса и содержанием его контекста, набором действующих в этой сфере игроков, а также другими конкретно-историческими характеристиками. Свою роль играют и универсальные составляющие этих взаимодействий, на которые следует обратить внимание.

В частности, возможности позиционирования массового сознания в качестве особого фактора целеполагания неразрывно связаны с качествами соответствующего актора. Известно, что в своем классическом понимании массы как самостоятельный игрок отличаются дефицитом внутренней целостности и сплоченности. Это означает не только внутреннюю амбивалентность присущих им идейных и эмоциональных потоков, но и способность менять характер и направленность поддержки тех или иных сил и позиций. Такая волатильность отражается на изменении позиционирования массового актора и возможности его включения в разнообразные социально-политические конфигурации.

Впрочем, ряд теоретиков полагают, что в постиндустриальном обществе массы утрачивают свою роль и им на смену приходит иной, хотя и равный по масштабу актор, обладающий иными качествами и способностями. Как считают С.В. Патрушев и Л.Е. Филиппова, связывающие понятие массы со взаимным отчуждением индивидов и другими чертами, аттестующими ее как простейшую форму общности, основанную на простом сложении однотипных элементов, сегодня на первый план выходит понятие «множества», отражающего форму общественного и политического

существования *многих* как носителей социальной и политической субъективности, ориентированных на признание и поддержку концепции прав и свобод человека, солидарность, справедливость и другие демократически значимые ценности [Патрушев, Филиппова, 2016, с. 135–139].

По мнению этих ученых, «множества» символизируют переход от низкой политической активности и ориентации людей на частные интересы к формам объединения «общественных индивидов», обуславливающих их потребность в самореализации, проектировании иного общества и т.д. Таким образом, вместо массы как «неразличенного множества» ими предлагается идея о появлении нового политического агента, преодолевающего свойства низко позиционированной «социальной протоплазмы».

Понятно, что в таком случае «множества», во-первых, утверждают более устойчивый характер большинства, а во-вторых, однозначно заданный характер политического давления, осуществляемого им в отношении власти. Не случайно авторы такого подхода солидаризируются с мнением, что в процессе формирования «множеств» реабилитируется сама политика, рассматриваемая уже не в качестве взаимодействий внутри элиты, а в виде активности «широких народных масс», что, в свою очередь, ведет к реконцептуализации массовой политики, возникающей в ходе «трансформации... общества, основанного на элитах», в общество, основанное «на массах граждан» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 215], и, так или иначе, предопределяет демократический вектор государственной политики.

Тем самым признается качественное изменение базовых параметров идеальной составляющей деятельности формально понимаемого массового актора. Но даже если допустить возможность таких превращений, все равно остается вопрос: каким образом сознание «масс» или «множеств» влияет на цели и стратегии государства?

Представляется, что особенности местоположения массового сознания в процессе формирования государственной политики уместно анализировать в рамках различных стадий принятия государственных решений. Каждая из них представляет собой пространство взаимодействия игроков, предоставляя им те или иные возможности для влияния на формируемые государством цели. Не углубляясь в теорию этапизации, отметим, что ее основные стадии

(инициации целей, выбора решений, имплементации и оценки) создают различные условия для воздействия массового сознания на государственные цели.

Как показывает опыт, наибольшее влияние массовое сознание способно оказать на первом и третьем этапах разработки целей, в то время как в двух других оно демонстрирует полную зависимость от действий властей и массмедиа.

На первом этапе, основанном на формировании повестки дня (*agendasetting*), возможности массового сознания определяются уровнем как публичной, так и неявной конкуренции между общественным мнением, массмедиа, лобби-коалициями, госбюрократией и позициями политического лидера, вынужденного опираться одновременно и на иерархические структуры, и на общество. Следует подчеркнуть, что динамика выдвигаемых государством задач (помимо исполнения обязательств прежних властей) обусловлена не столько срочностью их решения, сколько комплексом различных факторов. Среди них изменение мнения лидера, усиление или падение интереса к проблеме со стороны высокопоставленных чиновников, смена команды и внутренних коммуникаций в окружении первого лица, интенсивность давления лобби-коалиций крупного, в том числе международного бизнеса [Baumgartner, Jones, 2002; Baumgartner, Boef, Boydsun, 2008; *Punctuated equilibrium...* 2009]. В этом плане давление массового сознания всегда оценивается с точки зрения ослабления или провоцирования так называемых «эндогенных» или «экзогенных шоков» [Breunig, 2011], которые ведут к изменению соотношения сил конкретных участников процесса. В силу этого правительства зачастую намеренно преуменьшают значение тех или иных проблем с целью минимизации возможной политической напряженности [Policy agendas... 2010, p. 538–539].

Совокупное взаимодействие указанных факторов формирует резервуар целей, из которых и собирается повестка, лежащая в основании деятельности государственных институтов. Этот перечень проблем определяет степень внимания со стороны властей к массовым настроениям, частично выраженным в запросах общественного мнения, позициях его лидеров, гражданских ассоциаций, в материалах отдельных массмедиа. Однако важно иметь в виду, что даже публичное внимание к этим запросам и настроениям отнюдь не предполагает их неопровержимого воздействия на позиции лиц,

принимающих решения (ЛПР). В этом смысле публичные дебаты могут оказаться абсолютно нерезультативными с точки зрения формулирования целей. Другими словами, массовые настроения и оценки могут расширять повестку дня (за счет предложения особых сюжетов, интерпретации текущих проблем, оценок контекста, обладающих повышенным эмоциональным восприятием), провоцируя поддержку экспертов и выступлений массмедиа. Однако такая интенсификация публичного дискурса не способна гарантировать их влияния на целевые показатели государственной политики.

Специализированные структуры государственного управления экранируют от давления массовых эмоций – даже поддержанных организованными гражданскими структурами и ассоциациями, а также крупными телемедиумами. Правда, в кризисные или в предвыборные периоды внимание властей к позициям масс резко повышается. После преодоления этой стадии реальная институциональная повестка нередко вытесняет все не устраивающие власти вопросы. Одним словом, эмоциональная вовлеченность в публичные дебаты и дискурсы не гарантирует учет массовых настроений и позиций общественного мнения.

Увеличение непосредственных возможностей влияния массовых форм сознания на позиции ЛПР зависит от двух основных факторов: структуры правительства (например, наличия официальных органов, ответственных за учет требований граждан) и приверженности правящих элит морально-этическим воззрениям, позволяющим их ключевым фигурам воспринимать или экранировать запросы гражданского населения. Как показывает опыт, существуют и два сопутствующих фактора – ориентация властей по преимуществу на цели оперативного управления (что в большей степени, чем при разработке стратегий, побуждает власти реагировать на запросы населения) и активность массмедиа – особенно когда СМИ оппонируют правительству, критикуя его политический курс и выступая от имени общества.

В этом случае СМИ концентрируют внимание общества на фокусных проблемах, а при сочетании разных типов массмедиа устойчиво перехватывают «право говорить» *от имени* общества и у общества (обретая способность профилировать позиции общественного мнения), и у власти. Во всех иных случаях (в рамках так называемой «симбиотической медиапарадигмы», под которой ученые подразумевают более свободные отношения между государст-

вом и СМИ, когда последние выступают «добровольным конформистом», «вынужденным союзником», а в авторитарных режимах — поработанной властями структурой) массмедиа поддерживают партнерские отношения с властью, работая в русле их целевых установок¹.

Практика показывает, что наибольшими возможностями вовлечения массовых настроений в формирование политической повестки обладают маргинальные элиты. Как считает Т. Брикланд, на фоне расширения списка тем, которые так или иначе повышают роль влиятельных участников, вступающих в конфликт с властями по поводу возможных изменений, негативная оценка политического процесса недоминирующими элитами неизбежно повышает внимание к соответствующим проблемам, одновременно провоцируя их потребность в опоре на «массы». Таким образом, массы как разновидность «ослабленных групп», нуждающихся в представителях элиты, могут использовать свои политические возможности при обсуждении ключевых событий, от которых власть не может уклониться. Поскольку обычная символическая реакция властей при обсуждении невыгодных им тем предполагает приглушение

¹ На способность СМИ реструктурировать повестку дня и смещать акценты в массовом восприятии влияют: эффективность использования правительством символических средств убеждения; соответствие медиаповестки массовым настроениям; выбор образов общественных коммуникаторов, соответствующих культурным предпочтениям большинства населения (лидера-отца, защитника Отечества, первой леди и т.д.), а также длительность и интенсивность пропагандистского воздействия. Так, по данным Левада-центра, после федеральных выборов 2011–2012 гг. более чем 60% граждан РФ было стыдно за страну, резко возросла численность населения, склонного к эмиграции. В то же время по прошествии нескольких лет настроения большинства резко изменились, и сегодня, по данным социологов, значительно больше 60% населения поддерживают политику властей.

Впрочем, надо иметь в виду, что даже активность проправительственных СМИ не способна быстро погасить инерцию массового сознания, изменить профиль и характер оценок большинства. Так, к примеру, после интенсивной критики Турции за сбитый российский истребитель и популяризации эмбарго на импорт продуктов из этой страны резкое потепление и установление дружественных отношений между странами породили дополнительную противоречивость массовых настроений по этому вопросу, одновременно усилив внутреннюю дистанцированность населения от политики. Так, по социологическим данным, сегодня более 80% россиян сторонятся ее, а две трети избегают контактов с властями [Готовность участвовать... 2016].

их значимости, оборону и отвлечение внимания через распространение альтернативных трактовок событий, то «разогрев» этих сюжетов не просто способствует возрастанию внимания, но и способен изменить баланс сил в сторону элитных групп, выступающих за те или иные изменения. А в тех сферах, где общественный интерес связывается с построением комбинации «массы плюс элиты», давление массовых настроений может стать искрой для мобилизации различных групп организованных интересов (что, впрочем, не исключает и активизацию агрессивных действий властей).

Т. Брикланд подчеркивает, что там, где общественный интерес ослаблен, энергия давления на повестку непременно передается правительству, стремящемуся за счет агрессивного навязывания культурных кодов и символов, которые поддерживают нужные стереотипы и образы власти, а также обеспечивают требуемое сопереживание и эмоциональную включенность людей в политический процесс, побудить других акторов к изменению их политических позиций и конформизму [Brikland, 2000, p. 59–71].

Фаза инициации решений – наиболее благоприятная площадка действий для массового сознания. И хотя нет никаких гарантий его влияния на конкретные целевые, тем более стратегические показатели, оно способно обрести свои шансы.

В свою очередь, на этапе принятия решений, где выбирается конкретная альтернатива (в виде акта принятия решения, демонстрирующего тот или иной характер распределения ресурсов), доминируют оснащенные ресурсами игроки, для которых массовые настроения не играют даже фоновой роли. И только отдельные ЛПР способны в условиях кризиса проявить дополнительную чувствительность к запросам массового сознания. Такая же картина складывается и на заключительном этапе, когда массовые воззрения оказываются в заложниках массмедиа, интерпретирующих итоги государственной политики, оказывающих давление на общественные приоритеты и позиции общественно-политических групп. На этих этапах массовое сознание выступает дисфункциональным фактором, вынесенным за пределы целеполагания. И ситуацию не в состоянии изменить даже поддержка массмедиа.

В процессе имплементации решений возникает иная ситуация, предполагающая зависимость от мобилизации поддержки (необходимость организовывать солидарные действия и подавлять протест). Даже первые результаты фактической реализации госу-

дарственной политики не только пробуждают, но и усиливают интерес общества к различным проблемам, персоналиям, учреждениям. Здесь как нигде проявляется зависимость динамики доверия и поддержки населения от позиций лояльных, незаинтересованных и оппозиционных массмедиа. В данном случае крайней границей деятельности официальных СМИ, уменьшающих «политическую пустошь» недоверия масс, становится кризис легитимности.

На данном этапе факторами, активизирующими влияние массового сознания на центры имплементации решений, являются политика полумер («расслабленная» правительственная политика); нерелевантная реакция властей на ключевые события, связанные с реализацией целей; изменение ранее озвученных политических позиций лидера; активизация публичных конфликтов между группировками элиты (особенно в окружении лидера); противоречивый характер активности институтов власти, ответственных за реализацию поставленных задач и пр.

Массовое сознание и государственная политика в современной России: Реалии и проблемы

Роль массового сознания в формировании государственной политики в современной России обусловлена наиболее распространенными социально-политическими воззрениями населения, конфигурацией публичной политики (аттестующей каналы и механизмы политического представительства гражданских интересов), а также качеством правящего слоя. Так, с содержательной точки зрения массовое сознание представляет собой совокупность чувств и представлений устойчивого, достаточно гомогенного большинства¹, некомплиментарно относящегося к воззрениям любых меньшинств и являющегося носителем по преимуществу традиционалистских и патримонильных ценностей. В этом смысле

¹ Как показывают данные социологических опросов, с 2012 по 2015 г. в нашем обществе значительно усилилось ощущение внутреннего единства: так, доля согласных с тем, что в России есть народное единство, за этот период выросло с 23 до 54%. Причем у молодежи (от 18 до 24 лет) и обучавшихся в вузах это чувство даже сильнее, чем у пожилых (старше 60 лет) и малообразованных – соответственно 60 и 57% против 51 и 46% [Гордость, патриотизм... 2015].

даже существенное социальное расслоение российского общества не приводит к снижению монолитности массового сознания.

Самый мощный инструмент такой профилизации массовых представлений – скоординированная деятельность основных мас-медиа (прежде всего национальных телеканалов), сполна использующих астротурфинг, манипулирование и другие пропагандистские технологии для поддержания консервативного настроения населения. Как считают специалисты, составной частью таких информационных стратегий становится характерное для авторитарных режимов расширение идеологического репертуара – в форме установления национальных праздников и практик официальной коммеморации, раздачи государственных наград, регулирования школьных программ, целенаправленных государственных инвестиций в культуру и других мероприятий. Это расширяет идеологическую нагрузку символической организации политического пространства, но служит целям безопасности властей, а не развития общества [Малинова, 2015, с. 268–280].

При этом едва ли не базовым приемом является популяризация идеи цивилизационной особенности России, которая используется для идеологической консолидации тех, кто не приемлет идеи демократии и либерализации¹. В связи с этим многие аналитики фиксируют в стратегии поощрения идеологической эклектики и поощрения «национальной особенности» инструмент снижения уровня политических представлений граждан, примитивизации политического сознания, непонимания гражданами истинных замыслов правящего режима². В рамках такого подхода народный суверени-

¹ По мнению ряда ученых, в политическом смысле концепт «цивилизации» и соответствующая ему «идеология» призваны «выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию “чуждых” ей либеральных и демократических веяний» [Верховский, Паин, 2010, с. 176]. Ученые считают, что таким образом идеология «цивилизационных особенностей России» нередко превращается в политический заслон для относящихся якобы к другой цивилизации демократических институтов, в средство внушения людям мысли о невозможности и ненужности сравнения своей власти с демократическими формами ее организации в других странах.

² Так, по утверждению Г. Явлинского, выбранная властями доктрина придумана «для идеологического сопровождения и оправдания режима несменяемости власти в России», она «исходит из того, что условием выживания России в XXI веке (по мысли руководителей – А. С.) является ее противопоставление европейской цивилизации и европейскому пути развития». Ради этого власти идут

тет, по сути, отождествляется с «самодержавием» и «внешней независимостью», популяризируется «чрезмерно персонализированный характер политической системы», где роль персон признается «важнее законов» [Верховский, Паин, 2010, с. 175]. Оживающие в этом идеологизируемом пространстве мифы «имперского» сознания не только оказываются неспособными поставить заслон радикальному исламу и культурной агрессии терроризма, но и невольно поддерживают ксенофобские идеи и политические галлюцинации, постоянно усматривающие вражеские «происки» в явлениях повседневной жизни.

Поддерживаемый властями тип массовых представлений органически совпадает с культурными кодами правящего режима, пытающегося консолидировать российское общество на базе «нового мессианства» или борьбы против «кого-то», что, по мнению ученых, может «существенно осложнить положение страны», «ослабить ее позиции» [Сирота, 2011, с. 5]. Однако следует видеть, что такое типологическое совпадение массовых представлений и культурно-политических подходов правящего режима создает ту степень идейно-политической солидарности, которая надежно легитимирует нынешнюю политику властей, превращая массовое сознание в соавтора нынешнего политического курса. Не случайно массовая поддержка касается основных стратегических проектов властей, в силу чего действия по присоединению Крыма, сирийская антитеррористическая операция, антисанкционная политика по отношению к западным странам опирается на устойчивый комплекс широко распространенных «патриотических» взглядов населения¹.

на «умышленное выхолащивание... всех основных государственных институтов: суда, закона, права собственности...», тем самым искажая представления о «родине», «чувстве долга» и других коллективных принципах [Явлинский, 2015].

¹ Более 80% россиян убеждены, что страны Запада проводят в отношении России враждебную политику, что проявляется в санкциях против российской экономики и бизнеса (55%), стремлении взять под свой контроль экономику и природные богатства страны (35%), в санкциях против высшего руководства страны (32%), в попытках смены политического режима на более удобный для себя (27%), в попытках навязать российскому населению чуждые ему ценности, культуру, образ мысли, нравы (26%). При этом почти пятая часть опрошенных считают, что именно Запад поддерживает оппозиционные движения в стране. На этом фоне число тех, кто уверен, что «Россия лучше большинства других стран», увеличилось с 48% в 2012 г. до 59% в 2015 г. [Реакция Запада... 2015].

Другими словами, для базовых стратегий правящего режима массовое сознание является тем фактором, который усиливает позиции властей на этапах как конструирования повестки, так и — под воздействием массмедиа — имплементации целей. В этом смысле можно сказать, что массовое сознание на данных этапах разработки государственной политики выступает и легитимирующим источником, и соучастником выбранных целей (в том числе стратегических).

В то же время кризисные процессы в повседневной жизни россиян формируют социально-экономические запросы, расходящиеся с ориентирами политической и экономической стратегии режима. И в данном случае проправительственные массмедиа оказываются уже не столь эффективными, чтобы погасить раздражение ростом цен, снижением доходов и качества жизни, увеличением числа бедных (особенно в регионах).

В данном аспекте в массовом сознании формируется крайне противоречивое отношение к кризису: например, в регионах, в отличие от мегаполисов, где уровень жизни падает не столь резко и где жители находят возможность как-то маневрировать для сохранения привычного бытования, людям приходится отказываться от жизненно необходимых вещей и, по сути, переходить к режиму самовывживания. Хотя в провинции уровень жизненной адаптации населения выше, чем в столицах, массовые настроения там быстро утрачивают поверхностный оптимизм под влиянием роста тарифов, сокращения зарплат и пенсий, их недоиндексации и т.д.

Однако и там все еще работает «эффект ореола»: оказывая политическое доверие президенту, люди наивно надеются на государство, которое обязательно что-нибудь «придумает» и «не допустит» катастрофического развития событий. Не случайно в начале 2015 г. опрос ВЦИОМ выявил исторически высокий рейтинг социального оптимизма населения. Иными словами, тот факт, что кризис не может быть преодолен за счет «патриотизма» и что необходим переход к новой экономической политике и повышению качества государственных институтов, большинством населения еще не усвоен. В это время власти сполна эксплуатируют «романтические» надежды населения, поддерживая распространение политических иллюзий и делая главный акцент на информационную упаковку событий, суть которой состоит не столько в решении проблемы, сколько в ее пропагандистском оформлении. Так что

под прикрытием ребрендинга лидера и противоборства с внешними врагами (как основными триггерами публичного дискурса) власти разрабатывают нужные им проекты, получая политическую поддержку массового сознания.

В то же время ряд новых тенденций указывает на возможность изменения места и роли массового сознания в формировании государственной политики. Так, ухудшение экономического положения в стране (а по мнению ученых, это длительный тренд¹) неизбежно спровоцирует более рациональное отношение к целям правительства и результатам государственной политики. И хотя массовый «патриотизм» и простодушие граждан все еще обеспечивают поддержку основным внешнеполитическим стратегиям власти, кризисные процессы в экономике размывают остов такого мировосприятия и провоцируют изменение баланса сил.

Важна и другая тенденция – интенсивное кадровое обновление в ряде высших политических структур, явно свидетельствующее о трансформации внутриэлитных связей в правящем классе. По сути, изменяется набор игроков, участвующих в разработке государственных решений.

Более того, назначение президентом «технических» сторонников на ответственные государственные позиции показывает, что основные процессы выработки государственных целей (определение повестки, выбор альтернатив и др.) концентрируются в одном центре. Связанное с этим снижение уровня кооперации в механизме принятия государственных решений (предполагающее в том числе

¹ Так, эксперты Высшей школы экономики в докладе «Комментарии о государстве и бизнесе» заявили о том, что экономика России застряла на дне. Более того, сохраняется тренд снижения экономической активности. Как указано в докладе, в июле 2016 г. внутренний спрос поднялся лишь на 0,6%, и это при том, что ранее за три месяца он сократился на 2,7%. «Сохраняется тренд на снижение спроса, уровень которого в июле был на 12,6% ниже среднего уровня 2014 года», – говорится в докладе. ВВП во втором квартале продемонстрировал рост лишь в 0,1%, тогда как основные индексы экономической активности остаются в районе самых низких с начала кризиса уровней.

Как отмечено в докладе, с учетом сложившейся ситуации, специалисты не видят предпосылок к тому, что российская экономика продемонстрирует восстановительный рост до конца текущего года. По их мнению, к росту экономика РФ перейдет только после окончания периода бюджетной консолидации [Эксперты НИУ ВШЭ... 2016].

интенсификацию внутриэлитных коммуникаций) содержит ряд перспектив, благоприятствующих новому позиционированию масс.

Во-первых, в силу своего статуса лидер не может не обращаться к поддержке «масс». В условиях продолжающегося кризиса коммуникация лидера с населением интенсифицируется, а роль таких структур, как ОНФ (символизирующий для президента мнение «большинства») или общероссийские «совещания» Путина с народом, будет только возрастать. Усилятся и роль этого канала как транслятора массовых запросов к власти.

Во-вторых, по мере осознания возможных рисков ослабления своих позиций в элите¹ и, следовательно, необходимости все большей опоры на массовую поддержку, Путину придется если не придерживаться более эффективной социально-экономической линии, то проводить масштабные акции в области социальной политики. Это также будет способствовать повышению роли массового сознания, превращению его в неперенный фактор влияния на государственные цели.

В-третьих, в данном контексте возможна консолидация новых элитных групп (в рамках партийных или сетевых структур, объединяющих представителей правящего класса), которые в целях укрепления своего положения на политическом рынке также будут вынуждены апеллировать к массовым нуждам и настроениям граждан. В результате эти группы, при условии появления в них людей, способных не на апологетические практики, а на реальное представление интересов «масс», так или иначе смогут использовать массовое недовольство экономическим положением для обновления политико-экономических стратегий власти.

В-четвертых, в контексте этих тенденций будет расти дифференциация позиций массмедиа, что позволит более разносторонне освещать интересы и позиции населения.

¹ В частности, об этом свидетельствует ротация ближнего окружения (возможно и из-за усиления недоверия к «проверенным» товарищам); широкое обновление командного состава в силовых структурах; нарастание конкуренции между различными сегментами элиты в условиях сокращения ренты; гипотетическое ослабление персональных позиций Путина после 2018 г. (в отсутствие возможностей формального сохранения персональной власти после 2024 г. он сразу же после ближайших президентских выборов рискует превратиться в «хромую утку», что приведет к росту числа «перебежчиков» и «дезертиров» из президентской команды).

В соответствии с этим неминуемо начнет меняться как состав пресловутого общественного «большинства» (и как следствие, доминирующие представления граждан), так и место масс в принятии государственных решений. В результате в среднесрочной перспективе позиции масс будут укрепляться, а отклик на их запросы – повышаться. Тем самым будет расти и роль их представлений в разработке государственных решений. Возможно, постепенно начнет размываться и прежняя установка на приоритетную поддержку действующей власти (а не на собственную инициативу).

Однако ведущий фактор изменения местоположения масс в механизме формирования государственной политики – внутри-элитные процессы. Другими словами, перепозиционирование массовых воззрений в механизме принятия решений провоцирует не активность граждан и их ассоциаций, а внутриэлитные трансформации авторитарной власти и изменение положения лидера. В этом смысле структурные, процедурные и институциональные трансформации власти опережают динамику массового сознания, определяя гражданам новое пространство в механизме принятия решений. Впрочем, эти шансы надо еще использовать.

Одним словом, с определенной долей осторожности можно говорить о том, что несмотря на информационное сопротивление режима и сохранение профиля проправительственных медиа постепенно начинают создаваться предпосылки для перепозиционирования масс в механизме формирования государственной политики, влекущие за собой внутренние изменения массового сознания. Не исключено при этом, что структурные трансформации в механизме принятия решений смогут опередить содержательные изменения массовых воззрений.

Сказанное, однако, означает, что для России идея «множества», олицетворяющая возникновение нового качества населения и его позиционирования, – все еще прекраснодушная иллюзия. Это особенно очевидно на фоне демонтажа демократических институтов и усиления контроля за всеми формами гражданского активизма (включая политическое давление на несогласных, законодательное ограничение критики правительственного курса), стремительного ухудшения общественного климата, резкого снижения уровня солидарности государства и общества (некоторые журналисты уже называют это «холодной гражданской войной»). Сегодня пока еще нет ни элитных групп, способных транслировать интересы населе-

ния, ни СМИ, способных устойчиво представлять интересы гражданского общества и разнообразных меньшинств.

Список литературы

- Бобровских Е.В.* Концепции «народности» в истории социально-политической мысли России XIX века: Автореферат... канд. полит. наук. – М.: МГУ, 2016. – 25 с.
- Верховский А., Паин Э.* Цивилизационный национализм: Российская версия особого пути // Идеология особого пути в России и Германии: Истоки, содержание, последствия / Под ред. Э. Паина. – М.: Три квадрата, 2010. – С. 171–210.
- Гордость, патриотизм и ответственность / Левада-центр. – М., 2015. – 7 декабря. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/12/07/gordost-patriotizm-i-otvetstvennost/> (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Готовность участвовать в политике / Левада-центр. – М., 2016. – 23 августа. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike/> (Дата посещения: 26.09.2016.)
- Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России: Монография / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – 420 с.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б.* Насилие и социальные порядки. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 479 с.
- Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.* Массовая политика: Опыт институциональной реконцептуализации // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 2. – С. 131–151.
- Реакция Запада на политику России: критика, враждебность, санкции / Левада-центр. – М., 2015. – 2 ноября. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/11/02/reaktsiya-zapada-na-politiku-rossii-kritika-vrazhdebnost-sanktsii/> (Дата посещения: 11.02.2016.)
- Сирота Н.М.* Идеология и политика. – М.: Аспект-пресс, 2011. – 216 с.
- Эксперты ВШЭ заявили, что экономика России «застряла на дне» // Informing.ru. – М., 2016. – 25 августа. – Режим доступа: <http://informing.ru/2016/08/25/eksperty-vshe-zayavili-chto-ekonomika-rossii-zastryala-na-dne.html> (Дата посещения: 04.09.2016.)
- Явлинский Г.* Путь, которого нет // Новая газета. – М., 2015. – 19 октября. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/10/19/66048-grigoriy-yavlinskiy-171-put-kotorogo-net-187> (Дата посещения: 25.09.2016.)
- Asante C.E.* Press freedom and development: A research guide and selected bibliography. – Westport, Conn: Greenwood Press, 1997. – 216 p.
- Baumgartner F.R., Boef S.L., Boydsun A.E.* The decline of the death penalty and the discovery of innocence. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 310 p.
- Breunig C.* Reduction, Stasis, and Expansion of Budgets in Advanced Democracies // Comparative political studies. – Thousand Oaks (California), 2011. – Vol. 44, N 8. – P. 1060–1088.

- Brikland T.* Focusing events, mobilization, and agenda setting // *Journal of public policy*. – L.: Palgrave Macmillan, 2000. – Vol. 18, N 1. – P. 53–74.
- Policy agendas in Australian politics: The governor-general's speeches, 1945–2008 / Dowding K., Hindmoor A., Iles R., John P. // *Australian journal of political science*. – Melbourne, 2010. – Vol. 45, N 4. – P. 533–557.
- Policy dynamics / F.R. Baumgartner and B.D. Jones (eds.). – Chicago, IL: Chicago univ. press, 2002. – 371 p.
- Punctuated equilibrium in comparative perspective / Baumgartner F.R., Green-Pedersen C., Jones B.D., Mortensen P., Neytenmans M., Walgrave S. // *American journal of political science*. – East Lansing; Bloomington, 2009. – Vol. 53, N 3. – P. 602–619.